

Цзян Чэн взял запечатанный пакет с двумя пулями, но прежде чем он успел что-то сказать, снизу раздался громкий шум, сопровождаемый хриплыми криками и прерывистыми рыданиями. С другой, ещё не повреждённой лестницы, вывели молодого человека, окружённого тремя или четырьмя крепкими мужчинами. Его толкнули на пол, и он, словно без костей, упал на колени, после чего начал плакать:

— Это правда не я! Не я! Вы ошиблись! Я подам на вас в суд... Я расскажу Сун...

Его слова были прерваны, когда кто-то схватил его за подбородок и поднял голову. Цзян Чэн внимательно посмотрел на него, и офицер рядом тут же доложил:

— Докладываю, командир! Мы проверяли всех на безопасность, и заметили, как этот парень пытался сбежать. Он выглядел подозрительно, а когда мы его задержали, он начал кричать, что позовёт кого-то, чтобы «разобраться» с нами. Мы решили привести его сюда.

— Кто тут подозрительный? Это ты подозрительный! — Мальчик вырвался из рук Цзян Чэна и дрожащими руками попытался ударить его. — Я не убивал, это не имеет ко мне никакого отношения. Я позову хозяина Сун... Я...

— Минчжан не придёт, — Цзян Чэн снова схватил его за подбородок, заставив посмотреть на себя. — Хватит твердить о своём хозяине Сун. Хозяин Лю, посмотри на меня, ты узнаешь меня?!

Прекрасные глаза Лю Мяня, потерявшие фокус, наконец сфокусировались. Он, вероятно, был настолько напуган произошедшим, что на мгновение замер, прежде чем осознать, что попал в серьёзную переделку, из которой не выйдет без потерь. Он смотрел на Цзян Чэна, и две слезы скатились по его лицу:

— Молодой командир...

Он резко вздрогнул, словно его сознание, как бусины, нанизалось на нить. Он почти закричал:

— Это он! Я знаю — он давно меня ненавидит, я знаю это... Ха... С тех пор, как я взял у него этот цветок, который был памятью о его матери... Он точно ненавидит меня, я взял у него одну вещь, и он хочет моей смерти — он хочет, чтобы я умер! Это Гу... Ах! —

Цзян Чэн схватил его за подбородок и швырнул на пол!

— Бессмысленные обвинения, пустые слова! — Цзян Чэн выпрямился, и Фан Кай, опередив его, приказал людям заткнуть ему рот и вытащить его, после чего поклонился Цзян Чэну.

— Мы должны дать японцам объяснение, — Цзян Чэн посмотрел на Фан Кая. — Я не буду вмешиваться в расследование, но когда я поднимался сюда, я слышал, что после окончания карточной игры Ида Казуюки вернулся в комнату, где его обслуживал только Лю Мянь. Это правда?

Фан Кай напрягся, а затем усмехнулся:

— Именно так, именно так!

Телеграммы и письма из штаба, службы безопасности и газет хлынули в один момент, а телефонные звонки с домашнего номера семьи Цзян перегрузили линии его поместья. Цзян Чэн, держа трубку на плече, с яростью взял только что расшифрованную телеграмму, прочитал

пару строк и выругался, схватил пальто со спинки стула и вышел.

— Это что за беспредел? Кто разрешил им так писать? Линь Тун, Гуань Шань... и Чжоу Жэнь! Мать твою, южанин, сиди себе спокойно в Шанхае, зачем лезть в «политику»? Всех их арестовать и расстрелять!

Последняя телеграмма, которую он держал в руках, касалась комментариев по поводу подозрения на убийство Ида Казуюки. На этот раз, без Шэнь Яо, который прикрывал бы информацию, слухи о том, что Ида был убит тем же способом, быстро распространились по побережью. Студенты с юга начали писать статьи в поддержку «справедливости», «национального духа» и «призыва к казни предателей», что заставило Цзян Чэна почувствовать пульсацию в висках. Видя, что это связано с «национальным вопросом», он понял, что выставить виновным одного Лю Мянэ будет недостаточно, чтобы успокоить японцев.

Цзян Чэн нахмурился, поманил старика Чжана, стоявшего у двери, и сказал:

— Возвращаемся в штаб, — но затем вспомнил о чём-то и вернулся, быстрыми шагами направившись во внутренний двор, где схватил тонкую руку того человека.

Гу Шэн стоял во внутреннем дворе, тренируя голос, исполняя партию Лаошэна из «Пустой крепости». В руках он держал изящный веер, изображая движения. Когда Цзян Чэн схватил его за запястье, веер с грохотом упал на землю.

Гу Шэн резко очнулся от своего пения, и его прозрачные глаза, полные гнева, устремились на Цзян Чэна.

— Мне нужно вернуться в штаб, чтобы разобраться с некоторыми делами, — сказал Цзян Чэн. — Вероятно, я не вернусь в течение нескольких дней.

Едва он закончил говорить, как Гу Шэн, казалось, совершенно не заинтересованный, повернулся, чтобы поднять веер.

Цзян Чэн не мог вынести, когда тот относился к нему как к пустому месту, словно его присутствие или отсутствие ничего не значило. Он схватил Гу Шэна за запястье и потянул, заставив того потерять равновесие и снова посмотреть на него.

— В эти дни веди себя хорошо, если что-то понадобится, зови Сяо Ли, — Цзян Чэн смотрел ему в глаза, его рука неосознанно сжималась всё сильнее. Гу Шэн слегка попытался вырваться. — ...Не вздумай устроить какую-нибудь пакость, пока меня нет, понял?

Он сжал руку сильнее, другой рукой откинул прядь волос с виска Гу Шэна, а затем, под его раздражённым взглядом, коротко усмехнулся, наклонился и поцеловал его в уголок губ, после чего, довольный, отпустил его и, не оглядываясь, вышел:

— Старик Чжан, свяжись с главным редактором «Цзиньбао» Ся, быстро...

Гу Шэн без эмоций наблюдал за ним, вытер уголок рта, поднял веер и снова начал петь.

На этот раз он выбрал другой отрывок — Сипи Люшуй.

С тех пор, как Цзян Чэн вернулся из штаба, он готовился к организации встречи, чтобы обсудить различные вопросы с представителями разных сторон.

— Эй, в прошлые разы я с тобой плохо обошелся, даже не показал тебе Цзинбэй. Может, воспользуемся этой возможностью и съездим туда? — Цзян Чэн, обдумывая список приглашений, обернулся к Гу Шэну. — Ты был на горе Сичэн? Там есть большой ипподром, где выращивают чистокровных лошадей, которых старик привёз из Великобритании... Я бы хотел прокатиться с тобой верхом. Ты ведь с юга... Ты умеешь ездить верхом?

Он замолчал, словно на мгновение забыв о подготовке к празднованию дня рождения старика. В его голове вдруг возник образ Гу Шэна на лошади: его стройная и высокая фигура, одетая в охотничий костюм, выглядела бы очень эффектно.

Гу Шэн полулежал в кресле, его изящное лицо наполовину скрыто белым шерстяным шарфом. Он опустил ресницы, неясно, слышал ли он, что ему говорят.

В доме было отопление, но Цзян Чэн считал, что Гу Шэн слишком хрупкий, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он замёрз. Поэтому он настоял на том, чтобы тот надел шарф. Теперь его взгляд был мягким и тёплым, и Цзян Чэн не удержался, чтобы не провести пальцем по его ресницам:

— Я спрашиваю, если не хочешь на ипподром, может, съездим на Жемчужное озеро? Хотя, наверное, слишком холодно... Ду Хань тысячу раз напоминал, чтобы ты не простудился...

Мысли Гу Шэна были заняты новыми пьесами, которые он получил от любителей оперы со всей страны. Его пальцы отстукивали ритм под текст. Услышав вопрос, он лишь машинально кивнул.

Цзян Чэн не ожидал ответа, и потому был приятно удивлён. Он прошелся взад-вперёд перед столом, затем покачал головой:

— Нет, слишком холодно... Лучше посмотрим на сливы. Хотя мне самому хочется поохотиться, с тех пор как вернулся, не брал в руки ружья... Обычно в это время шкуры оленей такие гладкие и блестящие, это так захватывает, но тебе, наверное, это не понравится, да? Тогда не будем...

Он в этот момент был очень заботлив, даже чрезмерно, и продолжал бормотать, наблюдая за выражением лица Гу Шэна:

— Эй, может, поедem вместе, только мы двое. Мы с тобой, кажется, слишком...

Он запнулся, словно вдруг осознал, что раньше вел себя неправильно. Но Гу Шэн, уставший от его болтовни, поднял на него взгляд:

— ...Я не поеду.

Цзян Чэн резко вернулся в реальность из своего фантазийного мира, рука с приглашением опустилась. Гу Шэн инстинктивно отодвинулся в кресле. Этот мелкий жест не ускользнул от Цзян Чэна, который с улыбкой, полной самоиронии, посмотрел на Гу Шэна:

— ...Я не буду тебя бить. Если не хочешь, так и скажи, зачем ты меня так боишься?

Его улыбка была печальной, но неожиданно мягкой. Гу Шэн был удивлён, но затем спокойно сказал:

— Я получил приглашение от шанхайского магната Фэн Чжэна выступить на новогоднем

банкете. Уезжаю через пару дней.

Он замолчал, но ответа не последовало. Гу Шэн с удивлением посмотрел на него, и в этот момент постучал старик Чжан:

— Молодой командир, срочная телеграмма.

[Перевод китайских терминов и имён: любитель оперы (пиаою), Ида Казуюки, поместье (беюань), Цзян Чэн, Сяо Ли, тренировка голоса (диаосан), гора Сичэн (Сичэншань), телеграмма (дяньбао), Фэн Чжэн, Гу Шэн, охотничий костюм (лечжуан), чистокровная лошадь (чуньсюэма), Лю Мянью, Ду Ханью, штаб командования (сылинбу), Шанхай (Хушан), Фан Кай, Шэнь Яо, Цзинбэй]

<http://bllate.org/book/16144/1445770>